

Научная статья

УДК 37.013.77

ББК 88.40

doi: 10.47475/1994-2796-2024-486-4-68-77

СОВРЕМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПОИСК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ

Светлана Евгеньевна Крючкова¹, Сергей Александрович Храпов²

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, SEKryuchkova@fa.ru, 0000-0002-9213-8503

²Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия, khrapov.s.a.aspu@gmail.com, 0000-0003-1962-748X

Аннотация. Осуществлён социально-философский анализ ценностных ориентаций современного поколения обучающихся, рассмотрен вопрос об образовательном идеале, который должен служить ориентиром для выбора стратегии достижения важнейшей цели образования — воспитания гуманистической личности. Показано, что преемственность обучения должна обеспечиваться наличием инвариантного ценностного ядра, которое окружено совокупностью разнопорядковых ценностей, связанных с различными сферами деятельности. Предложена экзистенциально-аксиологическая модель образования.

Ключевые слова: образование, университет, цифровые технологии, кризис преподавания, риски, аксиологическая доминанта

Для цитирования: Крючкова С. Е., Храпов С. А. Современный университет в условиях цифровизации: поиск экзистенциально-аксиологической модели образования // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 4 (486). С. 68–77. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-486-4-68-77.

Original article

MODERN UNIVERSITY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: SEARCH FOR AN EXISTENTIAL-AXIOLOGICAL MODEL OF EDUCATION

Svetlana E. Kryuchkova¹, Sergey A. Khrapov²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, SEKryuchkova@fa.ru, 0000-0002-9213-8503

²Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia, khrapov.s.a.aspu@gmail.com, 0000-0003-1962-748X

Abstract. The article carries out a socio-philosophical analysis of the value orientations of the modern generation of students, showing their dependence on the social context, as well as the norms and values that dominate the culture of society. An attempt has been made to create a psychological portrait of the generation of “new adults”; the issue of the content of the educational ideal, which should serve as a guideline for choosing a strategy for achieving one of the important goals of education — the education of a humanistic personality, is considered. It is shown that the existence of educational models with various axiological dominants (theological, socio-political, economic, naturalistic, humanistic) indicates, on the one hand, the impossibility of the existence of a universal model, and on the other, makes it possible to understand that the continuity of education should be ensured by the presence of an invariant value core, which is surrounded by a set of different-order values associated with various fields of activity. An existential-axiological model of education is proposed, reflecting the ontological need to acquire new paradigmatic foundations.

Keywords: education, university, digital technologies, teaching crisis, risks, axiological dominant

For citation: Kryuchkova SE, Khrapov SA. Modern University in the Context of Digitalization: Search for an Existential-Axiological Model of Education. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(4(486):68-77. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-486-4-68-77.

Главной задачей высшего образования всегда было не только просвещать человека, приобщая к культуре своего времени [12, с. 106], но и воспитывать его через трансляцию «образовательного идеала», воплощающего в себе гуманистические ценности. Отсутствие должного внимания к аксиологической составляющей образования является одной из причин современного кризиса доверия к нему [23].

Аристотель в своё время различал человека «всецело образованного» (способного судить о любых вещах) и человека «знающего» (только одну определённую область). Сегодняшний «конфликт между человеком и институтом образования как раз и заключён в исходном противоречии: соприкасаясь с образованием, мы жаждем встречи с культурой, а оказываемся лицом к лицу со знанием» [3, с. 5], то есть предлагаемое в современном университете образование расходится с внутренними ожиданиями той части студентов, которые (как личности) всегда стремятся к индивидуализации и самоактуализации. Это, в свою очередь, требует изменения не только организации и способов преподавания, но и трансформации ценностей самого образования, погружающегося сегодня в чреватую социальными противоречиями информационную среду, с одной стороны, объединяющую (с помощью возможностей новых технологий), а с другой стороны, создающую «цифровое неравенство» в дополнение к уже существующим его формам [1, с. 232–236].

Безусловно, процессы глобализации и цифровизации кардинально изменили всю университетскую жизнь, но важно понимать, что наряду с техногенно-инструментальными трансформациями они привнесли во многом рискованные изменения в ценностно-смысловые основания образования [7]. Данные риски побуждают учёных к поиску новых моделей воспитательной и образовательной деятельности, с целью решения проблем формирования человеческого капитала нашей страны [8]. Исследователи, осуществляющие философскую аналитику цифровой эпохи, отмечают амбивалентный характер происходящих изменений. Примером может служить замечаемое многими странное противоречие цифровизации образования: ценностное принятие онлайн на общем уровне (в качестве «добавки» к офлайну, или конвергентное обучение) сопровождается

признанием его нежелательности на уровне личного опыта (в случае наличия выбора). При этом ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что цифровизация значительным образом влияет не только на сферу социальных взаимодействий, но и затрагивает фундаментальные ценностные основы жизни. И это влияние не является полностью позитивным, о чём свидетельствует целая группа когнитивно-психологических рисков цифровой коммуникативно-образовательной среды [21, с. 18], несущая в себе опасность негативных социальных последствий, способных привести к дегуманизации человеческих отношений.

Общество, находящееся во власти «дегуманизованного изобилия, основанного на прибыли» (Г. Маркузе), не только снижает ценность образования, выступающего «сердцем современной культуры», но и порождает нигилизм по отношению к морали, девальвируя тем самым общекультурные идентификационные образы и ценности. Происходящие в обществе культурные изменения, ведущие к аксиологическим и идеологическим сдвигам, затрагивают сначала молодое поколение. Поэтому в ходе научного дискурса по вопросам педагогической аксиологии важно улавливать (а затем и учитывать) «новые тренды, которые порождаются или подхватываются новым поколением молодых взрослых» [17, с. 11].

В профессиональном сообществе всё чаще дискутируется проблема возможности/невозможности сохранения классического идеала в условиях, когда «век классического образования пришёл к концу» (М. Хайдеггер). В ситуации быстрой экспансии цифровых социальных практик и превращения медиа в один из ведущих институтов социализации необходимость сохранения классического идеала образованного человека, в основе которого лежит идея единства личности (Я) и базовые экзистенциальные ценности, начинает ставиться под вопрос.

Это, в свою очередь, предполагает обсуждение форм взаимодействия субъектов (преподавателя и обучающихся) в пространстве образования, «как системы очеловечивания детей по тем «лекалам», которые на основе общего антропологического фундамента человека разрабатывало то или иное общество» [10, с. 3]. Как возможно такое взаимодействие в ситуации десубъективизации образования, в которой «без соприсутствия

и соучастия пропадает взаимная эмпатия, которая необходима для образовательного процесса» и т. п. [16, с. 107]. Стоит ли в этих условиях стремиться во что бы то ни стало сохранять традиционную ориентацию на реализацию классических целей и ценностей образования или необходимо сконцентрироваться на поиске его новой аксиологической доминанты, более соответствующей цифровой эпохе, например, учитывая особенности социальной жизни поколения цифры, так называемых «новых взрослых» (Дж. Твенге) или «цифровых аборигенов» [19].

Социальное в условиях возрастающей «медиа-тизации общества» [25] сегодня не просто воспроизводится, но уже *конструируется*, а широкое распространение цифровых пользовательских сервисов (при неконтролируемом погружении человека в сетевые цифромиры) порождает ситуацию, когда «ограничение медиапотребления приравнивается к утрате социального контакта» [2, с. 201]. Привычное «тотальное вовлечение во всепоглощающую сейчасность» [9, с. 385] приводит некоторых исследователей к паническому выводу о том, что «культ гаджетов постепенно приводит к процессу «расчеловечивания» подрастающего поколения» [15]. И «эти опасения имеют под собой определённые основания, даже если они во многих случаях излишне раздуты. Задача социально-философского анализа — «отделить реальные негативные последствия воздействия цифровой среды от надуманных и преувеличенных» [14, с. 33].

И если мы исходим из признания «неминуемого отмирания старых парадигм исследования и преподавания вследствие новых теоретических открытий» [18, с. 10], то важно найти перспективные образовательные практики, которые имели бы оправдание в самой жизни. А это, в свою очередь, предполагает предварительное обсуждение аксиологической основы преподавания, которое должно начинаться с ясного ответа на ключевые вопросы об общих социальных смыслах современного высшего образования, а именно: для чего именно сегодняшние студенты приходят в университет, чему он их должен учить в условиях постоянных изменений в номенклатуре специальностей, а также на каких принципах он сам должен строиться (общественное благо, рынок, их сочетание или что-то ещё). Прояснение этих вопросов в современную эпоху в силу доминирования технико-бюрократической концепции профессионализации высшего обучения, превратившей университет в «универмаг специально-

стей», торгующий стандартизованными образовательными услугами, актуализирует фокусировку на экзистенциальном аспекте цифровой трансформации образования, связанном с процессом не столько передачи знаний, сколько, в первую очередь, передачи ценностей и смыслов.

Предметом данной статьи будут не сами по себе образовательные технологии и прагматические стратегии компетентностного подхода, ведущие к однородности образовательных траекторий различных вузов и кризису национальных систем образования, а аксиологические смыслы образования. Последние весьма неочевидны и неоднозначны в условиях «академического капитализма», с его квазирыночной логикой, подрывающей в условиях доминирования утилитаристско-прагматического подхода не только саму природу образования, но и ставящей под вопрос антропологические константы. Может ли в условиях цифровизации образования человек — студент и преподаватель — оставаться Человеком в ситуации пересмотра (отказа) от классических ценностей образования (и не только)?

В связи с этим методологическая база исследования опирается на системный подход, включающий аналитико-дескриптивный и психологический анализ, позволяющие в своей совокупности провести комплексное философское исследование экзистенциально-аксиологической составляющей системы образования в цифровую эпоху.

Поколение «новых взрослых»: попытка портрета

Развитие личности во многом определяется ожиданиями общества и теми идеалами и ценностями, которые доминируют в данном обществе в конкретный исторический период. Это актуализирует вопрос о содержании современного образовательного идеала, а значит, о том, какого человека в качестве цели ждёт от образования общество. Несмотря на «аберрацию близости» (Л. Гумилёв), также важно поставить точный диагноз поколению «новых взрослых», посмотреть, а что ждут от университета нынешние студенты и, вообще, о чём они мечтают. «Карьера, положение в обществе, известность, счёт в банке — этим ограничивается горизонт ожиданий нынешней молодёжи», — утверждает в этой связи известный философ А. Л. Никифоров [11, с. 191], делая вывод о том, что в своём большинстве нынешние молодые люди не задаются вопросом: принесёт ли им счастье то, к чему они так упорно стремятся. Подобную пессимистическую оценку

находим и у других авторов, часто характеризующих представителей современного молодого поколения, как «мегапотребителей» и «консьюмеристов», чьи «амбиции сопоставимы только с их аппетитом», а девизом является — «урви от жизни всё», поскольку «из всех свобод наиважнейшей для себя они считают свободу потребления» [13]. И хотя подобные оценки, в силу их односторонности, безусловно, нельзя отнести ко всем представителям молодого поколения (возможно, в силу «разрыва поколений», произошедшего не только на уровне социальных практик, но и смыслов), тем не менее они фиксируют некоторые весьма существенные изменения в системе ценностных ориентаций и убеждений «миллениалов» и «зуммеров» по сравнению с теми поколениями, которые негативно оценивают ценности потребительской антропологической модели, основанной на стратегии «жить настоящим и быть счастливым», то есть заботой лишь о себе и своём собственном выживании, с одновременной неготовностью нести ответственность за собственные поступки. И хотя старшие поколения в силу понятных обстоятельств так или иначе влияют на воспитание нового поколения, однако «одни и те же события смежные поколения переживают по-разному... молодые не идентифицируют идеалы старшего поколения как идеалы, как то, с чем нужно бороться» [17, с. 29] и часто отказывают им в статусе нормативного образца.

Считается, что задумываться о смыслах — это совсем не про современного студента, в общей массе своей (есть, конечно, и исключения) являющегося ярким примером так называемого *E-Homo Sapiens* («человека информационного»), чья социализация осуществлялась в условиях массового распространения цифровых пользовательских сервисов (смартфонов) и социальных сетей, что сказалось на способности к выстраиванию социальных отношений. Сформированная в период становления личности информационная привязанность к «умным» гаджетам и социальным медиа весьма серьёзно сказалась не только на формировании жизненных ценностей, но и на психологических характеристиках молодого поколения, к которым исследователи сегодня относят: изменения в мышлении (образность и клиповость), импульсивность, раздрганность сознания в ситуации многозадачности, рассеянность внимания, неспособность долгое время концентрироваться на чём-то одном, эмоциональную нестабильность и отчуждённость от педагогов и однокурсников и др. В своей совокупности, а также

в ситуации нахождения в постоянно растущем потоке информации из параллельной виртуальной среды и нехватки времени эти изменения могут приводить к неврозам, хотя, конечно, главная причина последних — не в переизбытке информации, «а в потере смысловых ориентиров» [17, с. 25–29].

Что касается жизненных ценностей, то поколение так называемых цифровых аборигенов не просто входит в жизнь более уверенным, но обладает «манией независимости» и, отстаивая свои права на личный суверенитет, заявляет повышенные притязания на личный комфорт, демонстрирует перфекционистскую ориентацию на реально недостижимые в их возрасте стандарты жизни («всё и сразу»). За манифестацией таких ценностных установок просматривается неуверенность в завтрашнем дне. Возможно, поэтому молодые люди так часто меняют свои пристрастия, особенно в ситуации необходимости выбора будущей жизненной траектории, что при прогрессирующей индивидуалистической ориентации порой сопровождается апатией и приводит к безучастности. «Новые взрослые» нетерпеливы и неустойчивы в стрессовых ситуациях, а «в ситуации конфликта склонны к компромиссу и не готовы к соперничеству, интуитивности, эмпатии, отстаиванию собственных свобод и точки зрения» [23, с. 343]. Поэтому они часто уходят от ответственности за свой выбор, предпочитая поздно взрослеть, сохраняя черты подросткового сознания. Это ставит перед образованием задачу помочь молодым людям в деле достижения моральной и психологической, а значит, и социальной зрелости личности.

В итоге сложившаяся смысловая картина реальности порождает у такого «человека-массы» (Ортега-и-Гассет) стремление к постоянному присутствию в Сети, поскольку именно «социальные медиа предоставляют редкую возможность создания публичного пространства, в центре которого находятся молодые люди» [1, с. 47]. В этом пространстве стремление к самоопределению актуализируется через внешнюю форму идентификации — принадлежности к тому или иному обществу, возникновению так называемой цифровой идентичности, ведущей, по мнению ряда пессимистично настроенных исследователей, к утрате подлинной *человеческой идентичности*, а значит, к кризису гуманизма и потере свободы. Последнее опасение имеет под собой серьёзные основания, так как интернетовское «пространство свободы» уже давно не безнадзорно и содержит

риски управляемого извне формирования специфической смысловой картины мира и ценностей, что грозит не только формированием ценностных стереотипов и поведения, но и утратой критичности мышления.

Вместе с тем ситуацию со способами восприятия мира и ценностными устремлениями «новых взрослых» не стоит оценивать слишком пессимистично, а поведенческие практики описывать в чёрно-белых тонах. Ведущие отечественные социологи достаточно оптимистично оценивают «новых взрослых», отмечая, что у них в целом «выше уровень субъективного благополучия, экономического оптимизма и ощущения счастья» [6, с. 21]. Особо отмечается их большая ориентация на здоровый образ жизни, они не только реже смотрят телевизор, но и реже курят, больше уделяют внимания физкультурным (да и культурным также) практикам. Более того, ЗОЖ приобретает статус моральной категории, то есть превращается в важную ценность наряду с хобби, как проявление общего тренда на полноценный досуг, который должен находиться в рациональном балансе с трудовой деятельностью. Хотя молодое поколение демонстрирует чёткую нацеленность на самореализацию в работе, но их вряд ли можно отнести к трудоголикам, а их ориентация на профессиональную карьеру в одной сфере на всю жизнь уже меньше, чем в предыдущих поколениях; они позитивно расценивают социальные практики фрилансерства [16, с. 30–32]. Социологи отмечают также «преобладание у молодых российских «цифровых аборигенов» установки не на запреты и ограничения, а то, что можно делать и какой вариант из веера возможных выбрать в качестве ориентира» [19, с. 177].

Поэтому не стоит расценивать «новых взрослых» как «потерянное поколение» [19], тем более безучастное и пассивное. На самом деле оно активно и стремится к самоопределению, принимает риски реализовываться индивидуально (экспериментируя с границами свобод) и достигать определённых социальных целей. Жизненная энергия современных молодых людей, являющихся, по мнению ряда социологов, менее политизированными, чем предыдущие поколения, всё чаще реализуется в новых формах социальной активности: экология, волонтерство, защита животных, спортивные акции и т. п.

Приведённые характеристики, безусловно, не прерогатива только рассматриваемого «цифрового» поколения, которое тоже в общей массе своей не является однородным, что хорошо заметно,

когда мы приходим в студенческую аудиторию. В данном случае речь скорее идёт о новых трендах, наблюдаемых профессиональным преподавательским сообществом в университетской среде, в которой сегодня заметно утрачивает своё значение книжная культура обучения через чтение, позволявшая в своих высоких образцах развивать утончённость духовного зрения. Именно она всегда рассматривалась как основа формирования критического мышления в системе классического образования, и именно поэтому, на наш взгляд, образование и играло поистине демиургическую роль в деле накопления так называемого культурного человеческого капитала. Также достижению основной цели образования — формированию социально и морально зрелой личности, способной к самоопределению и саморазвитию, способствовал диалог наставника и ученика как пространство, в котором, собственно, и осуществлялась передача знаний, ценностей и смыслов культуры.

Возможен ли сегодня при переходе из реальной коммуникации в виртуальные формы, а также при массовом распространении социальных сетей, в которых происходит публичный обмен информацией и смыслами, такой образовательно-воспитывающий диалог, то есть культурный диалог, как форма саморазвития личности, задающая смысловые ориентиры? Могут ли опосредованные виртуальные формы заместить такой майевтический диалог и его участников с точки зрения способов формирования ценностно-нравственной сферы личности? Ведь «сетевые индивиды не только не воспринимают иную точку зрения, но и неспособны аргументированно обосновывать свою. Они ждут от образования в первую очередь доступных и удобных платформ. Будучи поставлены в ситуацию выбора — субъект «живого общения» (преподаватель, наставник) или технологии, представители поколения «миллениалов» и «зуммеров» демонстрируют «дуализм доверия» при одновременном росте перевеса в сторону взаимодействия через цифровые источники информации, обретающие тем самым статус новой и несомненной ценности. Примерами могут служить феномены «постправды» и «новой этики».

Аксиология образования и образовательный идеал

Ценностный слой сознания постоянно обновляется в течение жизни, но наиболее активно «поиск ценностей», приобщающих индивида к жизни и культуре, ведётся как раз в процессе обра-

зования, позволяющего заполнять «экзистенциальный вакуум» (В. Франкл), сформировать смысловые и дискурсивные горизонты, базирующиеся «на вере в единство истины, всеобщей значимости социально признанного» [3, с. 6], так как ответственное принятие социально одобряемых ценностей, которые уже объективированы в той или иной культуре, ориентирует личность (с её индивидуальными смыслами) на одобряемое нравственное поведение и вызывает у человека чувство значимости, уверенности и безопасности.

Аксиология образования, разрабатывающая образовательный идеал «на основе смысла существования человечества» [22, с. 35–36], опирается на методологию классификации ценностей на две группы: традиционные (семья, патриотизм, религия, примат общественного над личным, уважение к власти) и рационально-секулярные ценностей (независимость, доминирование личного над общественным, светскость, критичность по отношению к власти) [5]. С этим подходом перекликается разделение ценностей на кардинальные (витальные ценности: жизнь, здоровье, общедоступность образования, свободное развитие человека, гражданские права человека) и субкардинальные (исторически изменчивые и эволюционирующие, например, политико-правовые регулятивы, этика и др.) [22, с. 36–37], а также специфические духовно-нравственные традиции различных народов.

Ряд социологических исследований системы ценностей представителей современного студенческого сообщества, проведённых РМЭЗ НИУ ВШЭ и Балтийским федеральным университетом им. Канта, показывает, что она в той или иной степени включает как стержневые ценности, традиционно декларируемые с позиций человеческой экзистенции и культуры (здоровье, семья, безопасность, любовь), воплощённые в классическом образовательном идеале, так и рационально-секулярные, ориентированные на процессы самоопределения и саморазвития индивида. Вместе с тем, наряду с ними выявляются и некоторый новый нормативный состав, характерный для эпохи цифровизации (вовлечённость в сетевые коммуникации, социальные медиа, различные формы самовыражения в киберпространстве, виртуальные игровые сервисы, интернет-субкультуры). В результате к значимым для формирования идентичности ценностным установкам поколения «новых взрослых» можно отнести следующие: индивидуализм, персонализацию (прав и свобод); ориентацию на самореализацию и вы-

явление творческого потенциала, культурную самоидентичность, необходимость экзистенциальной и информационной безопасности, а также приватности частной жизни; этический плюрализм (или больший релятивизм); потребность манифестации своего Я в «сетевой» коммуникации; установку «живи здесь и сейчас»; социальный статус и материальное благополучие («богатство»), эмпатию и толерантность (порой парадоксальным образом сопровождающиеся «растущей агрессией к нетолерантным») [16, с. 77]. Кроме того, в ходе опросов отмечалась наименьшая значимость обычаев, традиций, а также религиозности, что говорит о преимущественно светском характере воспитания и образования молодого поколения. Однако в ходе других опросов, посвящённых отдельно системе ценностей России, эти ценности ранжировались высоко, занимая позиции в одном ряду с общечеловеческими и семейными ценностями (патриотизм, семья, традиции, вера, справедливость, свобода), что является показателем «ощущения исторической принадлежности к территориальному и культурному пространству России» [3, с. 48].

Результаты, полученные в ходе исследований ценностных ориентаций современной студенческой молодёжи, позволяют сделать вывод о том, что хотя университет, безусловно, должен давать знания, учить находить необходимую информацию, но вместе с тем профессионализм и специализация в условиях размытости ценностных ориентаций должны иметь надлежащий противовес. «Поэтому надо обязательно вновь ввести в университете преподавание культуры или системы жизненных идей, которыми располагает время. Это главная задача университета» [12, с. 74]. «Культурное образование» работает медленно, но даёт более надёжные результаты, чем инструментальное «полуобразование» (Т. Адорно), например, при решении проблемы культурной идентичности, занимающей важное место в системе ценностей современного студента.

«Культурное образование», в противовес «культурному релятивизму», сопровождающемуся неуверенностью в ценностях культуры, выступает основным ресурсом в деле воспитания человеческого достоинства, как внутреннего (совесть, ответственность, нравственное самосовершенствование), так и внешнего (самостоятельность в принятии решений, ощущение собственной значимости, профессиональный долг, осознание своего вклада в развитие общества) [6, с. 94], выступающих жизненной опорой личности.

Сегодня же понимание достоинства далеко отошло от этих классических представлений и всё чаще ведётся в поле рыночных категорий и сводится к социальному и имущественному статусу, личностному успеху и т. п. Тем самым контуры классического образовательного идеала, где главными составляющими достоинства личности были такие выработанные в культуре черты, как нравственное самосовершенствование, честь, долг и т. д., постепенно размываются, а его содержание и роль в образовании девальвируется.

Вместе с тем, несмотря на все метаморфозы социальной жизни, классический образовательный идеал, как эталон воспитания, универсальность которого начиная с эпохи Просвещения так или иначе подвергается сомнению, будучи осмысленным в современных реалиях, по-прежнему сохраняет инвариантное ценностное ядро, имеющее духовное содержание (и в этом смысле идеал внеисторичен), несмотря на его социополитические и культурные модификации, свойственные определённой эпохе и народу.

Представляется, что он является внеисторическим прообразом (точное воплощение которого невозможно), опирающимся на совокупный опыт человечества, способным и сегодня (как вектор в будущее, обеспечивающий качество образования) сориентировать в поисках стратегий преодоления таких рисков цифровизации, как ценностная дезориентация и этический плюрализм, ведущих к распространению, к примеру, «новой этики», сопровождающейся трансформациями «в понимании границ допустимого и недопустимого в общении между людьми, в том числе между преподавателями и студентами» [16, с. 75]. Кризис образования может быть преодолен через

воспитание в первую очередь культурного человека, способного и стремящегося к творческому саморазвитию.

Заключение

Таким образом, в случае дигитализации обучения речь необходимо вести лишь о новом инструментарии, создающем пока в большей степени возможности. Социально-цифровой поворот, позволяющий преодолевать ряд барьеров традиционного образования с его классическим образовательным идеалом, выступавшим со времён Платона целью и смыслом образования, воплощается сегодня в целеполагании на формирование всесторонне образованных, ориентированных на высшие идеалы и ценности личностей. Это ставит перед профессиональным сообществом задачу определения основ *аксиологической модели современного образовательного идеала* как объединяющей идеи для различных образовательных практик.

Поставленный нами вопрос о поиске экзистенциально-аксиологической модели образования отражает онтологическую потребность обретения новых парадигмальных оснований. Очевидно, что подобная модель не может быть абсолютной и универсальной для всех вузов. Тем не менее сама постановка вопроса о её необходимости может способствовать росту идей в направлении решения этой проблемы. В качестве примера мы позволим предложить один из возможных, «схематических» вариантов модели образования, её основных компонентов, отражающих, на наш взгляд, ключевые идеи экзистенциально-аксиологического подхода (табл. 1).

Предложенная нами модель не должна быть абстрактной, сводящейся к призывам и формаль-

Таблица 1

Уровень высшего образования	Когнитивный компонент	Мотивационно-деятельностный компонент	Экзистенциальный компонент
Бакалавриат	Осознание обучения и знания как ценности для профессионального и личного развития	Ценностное отношение к учебной и производственной активности как способам овладения будущей профессией	Восприятие себя как человека, ценность которого определяется значимостью его профессии в обществе
Магистратура	Осознание ценности приращения знания посредством собственных усилий	Ценность самостоятельной деятельности в сфере теоретических и практических аспектов образовательной программы	Восприятие себя и своей профессии в системе социальных и трудовых отношений, удовлетворяющих не только материальные, но экзистенциальные запросы
Аспирантура	Осознание ценности системного научного знания и авторского научного мышления	Ценность творческого поиска и научной деятельности в сфере диссертационного исследования и общего направления научной специальности	Идентификация себя как учёного, смысл существования которого заключается в системном осмыслении исследуемой проблематики и внедрении её в социальную практику

ным документам, она должна быть системной, отражающей реальное содержание образовательного процесса на всех его уровнях и «насыщающей» их новыми смыслами и идентификационными ориентирами. Разумеется, данные компоненты экзистенциально-аксиологической модели образования не будут формироваться «сами по себе». Их становление станет возможным в случае принятия руководством и препода-

вателями вузов значимости экзистенциально-аксиологического подхода, включения его компонентов и идей в содержание и технологии образовательного процесса. На наш взгляд, подобное решение позволит существенным образом нивелировать многие риски цифрового и компетентностного подходов и повысить роль высшего образования в развитии человеческого капитала нашей страны.

Список источников

1. Бойд Д. Всё сложно. Жизнь подростков в социальных сетях. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 352 с.
2. Гуреева А. Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2016. № 6. С. 92–208.
3. Долженко О. В. Очерки по философии образования. М. : Промо-Медиа, 1995. 240 с.
4. Зимовина Е. П. Самоидентификация и ценностные установки в молодёжной среде (на примере Калининградской области) // Logos et Praxis. 2024. Т. 23, № 1. С. 42–51.
5. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство, 2011. 464 с.
6. Козлова И. В., Брюно В. В. Достоинство как гармония индивидуального и социального в человеке // Философия образования. 2023. Т. 23, № 1. С. 92–110. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20230107>
7. Крючкова С. Е., Меликов И. М., Храпов С. А. Глобализация высшего образования: социокультурный аспект // Logos et Praxis. 2018. Т. 17, № 1. С. 40–48.
8. Лунёв А. П., Храпов С. А. Управление социализацией студенчества как механизм роста человеческого капитала России // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2013. № 1. С. 149–156.
9. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М. ; Жуковский : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.
10. Образовательные системы Востока и Запада в эпоху Древности и Средневековья. М. : Изд-во РУДН, 2003. 531 с.
11. Никифоров А. Л. Слагаемые счастливой жизни // Философия и культура. 2008. № 1. С. 191–196.
12. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 144 с.
13. Пастухов В. Теория о поколениях России: от «фронтовиков» — к «поколению без будущего» и дальше // Новая газета. 2015. 22 июля.
14. Петрова Е. В. Образ информационного общества в культуре: оптимизм сменяется пессимизмом? // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 25–35.
15. Пфаненштиль И. А., Панарин В. И. Цифровое образовательное пространство и проблема «расчеловечивания» // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 2. С. 3656–3665. <https://doi.org/10.15372/PEMW20200202>
16. Радаев В. Преподавание в кризисе. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 200 с.
17. Радаев В. Миллениалы: как меняется российское общество. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 296 с.
18. Ридингс Б. Университет в руинах. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 304 с.
19. Сумская А. С. «Цифровые аборигены» как новое российское «потерянное поколение»? // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 2 (44). С. 171–183. doi: 10.47475/2070-0695-2022-10221
20. Твенге Дж. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым — и абсолютно не готовым ко взрослой жизни. М. : Рипол-Классик, 2019. 464 с.
21. Храпов С. А., Баева Л. В. Философия рисков цифровизации образования: когнитивные риски и пути создания безопасной коммуникативно-образовательной среды // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 17–26. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-17-26

22. Яковлева И. В. Аксиология образования как формирующаяся система: социально-философская рефлексия // *Философия образования*. 2020. № 2. С. 31–47.
23. Якимова З. В., Масилова М. Г. Поколение Z как потенциальный сегмент рынка труда // *Азимут Научных исследований: Педагогика и психология*. 2017. № 4 (2). С. 341–345.
24. Caplan B. The Case against Education: Why the Education System Is a Waste of Time and Money by Bryan Caplan // *Common Knowledge*. 2018. Vol. 24, № 3. P. 430–431. DOI: 10.1215/0961754X-6939829 (Дата обращения: 29.04.2023).
25. Hepp A. *Deep Mediatization (Key Ideas in Media & Cultural Studies)*. Routledge, 2019. 248 p.

References

1. Bojd D. Vse slozhno. ZHizn' podrostkov v social'nyh setyah [Everything is complicated. Life of teenagers on social networks]. Moscow: 2022. 352 p. (In Russ.).
2. Gureeva AN. Teoreticheskoe ponimanie mediatizatsii v usloviyah cifrovoj sredy [Theoretical understanding of mediatization in the digital environment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 10 [Bulletin of Moscow University]. 2016;(6):92-208. (In Russ.).
3. Dolzhenko OV. Ocherki po filosofii obrazovaniya [Essays on the philosophy of education]. Moscow; 1995. 240 p. (In Russ.).
4. Zimovina EP. Samoidentifikatsiya i cennostnye ustanovki v molodezhnoj srede (na primere Kalininskoy oblasti) [Self-identification and value attitudes in the youth environment (on the example of the Kaliningrad region)]. *Logos et Praxis*. 2024;23(1):42-51. doi: 10.15688/lp.jvolsu.2024.1.5 (In Russ.).
5. Inghart R, Vel'cel' K. Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, cultural change and democracy: the sequence of human development]. Moscow; 2011. 464 p. (In Russ.).
6. Kozlova IV, Bryuno VV. Dostoinstvo kak garmoniya individual'nogo i social'nogo v cheloveke [Dignity as harmony of the individual and social in a person]. *Philosophy of Education*. 2023;23(1):92-110. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20230107> (In Russ.).
7. Kryuchkova SE, Melikov IM, Hrapov SA. Globalizatsiya vysshego obrazovaniya: sociokul'turnyj aspekt [Globalization of higher education: sociocultural aspect]. *Logos et Praxis*. 2018;17(1):40-48. (In Russ.).
8. Lunyov AP, Hrapov SA. Upravlenie socializatsiej studenchestva kak mekhanizm rosta chelovecheskogo kapitala Rossii [Management of student socialization as a mechanism for the growth of human capital in Russia] *Vestnik Astra-hanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. Seriya: *Ekonomika* [Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics]. 2013;(1):149-156. (In Russ.).
9. Maklyuen GM. Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding media: external extensions of man]. Moscow; 2003. 464 p. (In Russ.).
10. Obrazovatel'nye sistemy Vostoka i Zapada v epohu Drevnosti i Srednevekov'ya [Educational systems of the East and West in the era of Antiquity and the Middle Ages]. Moscow; 2003. 531 p. (In Russ.).
11. Nikiforov AL. Slagaemye schastlivoj zhizni [Components of a happy life]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture]. 2008;(1):191-196. (In Russ.).
12. Ortega-i-Gasset H. Missiya universiteta [Mission of the University]. Moscow; 2019. 144 p. (In Russ.).
13. Pastuhov V. Teoriya o pokoleniyah Rossii: ot «frontovikov» — k «pokoleniyu bez budushchego» i dal'she [The theory of generations in Russia: from “front-line soldiers” to “a generation without a future” and beyond]. *Novaya Gazeta*, 2015;(77). (In Russ.).
14. Petrova EV. Obraz informacionnogo obshchestva v kul'ture: optimizm smenyaetsya pessimizmom? [The image of the information society in culture: does optimism give way to pessimism?]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2021;(8):25-35. (In Russ.).
15. Pfanenshtil' IA, Panarin VI. Cifrovoe obrazovatel'noe prostranstvo i problema «raschelovechivaniya» [Digital educational space and the problem of “dehumanization”]. *Professional'noe obrazovanie v sovremennoy mire* [Professional education in the modern world]. 2020;10(2):3656-3665. <https://doi.org/10.15372/PEMW20200202> (In Russ.).
16. Radaev V. Prepodavanie v krizise [Teaching in crisis]. Moscow; 2022. 200 p. (In Russ.).
17. Radaev V. Millenialy: kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo [Millennials: how Russian society is changing]. Moscow; 2023. 296 p. (In Russ.).

18. Ridings B. Universitet v ruinah [University in ruins]. Moscow; 2021. 304 p. (In Russ.).
19. Sumskaya AS. “Cifrovye aborigeny” kak novoe rossijskoe “poteryannoe pokolenie”? [“Digital natives” as a new Russian “lost generation”?]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: problematic field of media education]. 2022;(2(44):171-183. doi: 10.47475/2070-0695-2022-10221 (In Russ.).
20. Tvenge Dzh. Pokolenie I. Pochemu pokolenie Interneta utratilo buntarskij duh, stalo bolee tolerantnym, mence schastlivym — i absolyutno ne gotovym ko vzrosloj zhizni [Why the Internet generation lost its rebellious spirit, became more tolerant, less happy — and absolutely not ready for adult life]. Moscow; 2019. 464 p. (In Russ.).
21. Hrapov SA, Baeva LV. Filosofiya riskov cifrovizacii obrazovaniya: kognitivnye riski i puti sozdaniya bezopasnoj kommunikativno-obrazovatel'noj sredy [Philosophy of risks of digitalization of education: cognitive risks and ways to create a safe communicative and educational environment]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2021;(4):17-26. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-17-26 (In Russ.).
22. Yakovleva IV. Aksiologiya obrazovaniya kak formiruyushchayasya sistema: social'no-filosofskaya refleksiya [Axiology of education as an emerging system: social and philosophical reflection]. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of Education]. 2020;(2):31-47. (In Russ.).
23. Yakimova ZV, Masilova MG. Pokolenie Z kak potencial'nyj segment rynka truda [Generation Z as a potential segment of the labor market]. *Azimut Nauchnyh issledovanij: Pedagogika i psiho-logiya* [Generation Z as a potential segment of the labor market]. 2017;(4(2):341-345. (In Russ.).
24. Caplan B. The Case against Education: Why the Education System Is a Waste of Time and Money by Bryan Caplan. *Common Knowledge*. 2018;24(3):430-431. DOI: 10.1215/0961754X-6939829.
25. Hepp A. Deep Mediatization (Key Ideas in Media & Cultural Studies). Routledge, 2019. 248 p.

Сведения об авторах

С. Е. Крючкова — доктор философских наук, профессор Департамента гуманитарных наук.

С. А. Храпов — доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, почётный работник сферы образования РФ.

Information about the author

S. E. Kryuchkova — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Humanities.

S. A. Khrapov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Honorary Worker of Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 25.04.2024; одобрена после рецензирования 28.04.2024; принята к публикации 28.04.2024.

The article was submitted 25.04.2024; approved after reviewing 28.04.2024; accepted for publication 28.04.2024.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.